

НАСТЯ КРАВЧЕНКО

КАЖДА

Я НЕ БЫЛА ТВОЕЙ

Настя Кравченко

Кукла. Я не была твоей

«Литнет»

2024

Кравченко Н.

Кукла. Я не была твоей / Н. Кравченко — «Литнет», 2024

— Её можешь взять, в счет долга. — говорил босс так, будто я вещь какая-то. Тут же бородатый амбал осмотрел меня с ног до головы и скривил лицо. — Не тянет она на такую сумму. — Ну хоть отсрочку дай, прошу? — Босс выглядел жалко. — Ладно. В последний раз такой базар. На этот раз прощаю, до следующего лучше не жди. — Я все понял. Амбал встал со стула, подошел ко мне. Высокий, с грозным взглядом. Как тьма навис надо мной и слегка пихнул вперед. Я вздрогнула. — Ну че встала? Пошли. Эмоционально и динамично♥️#

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

ОНА:

— Ее можешь взять, в счет долга, — босс говорил так, будто я какая-то вещь. Бородатый амбал тут же осмотрел меня с ног до головы и скривил лицо.

— Не тянет она на такую сумму.

— Ну хоть отсрочку дай, прошу? — Босс выглядел жалко.

— Ладно. В последний раз такой базар. На этот раз прощаю, до следующего лучше не жди.

— Я все понял.

Амбал встал со стула, подошел ко мне. Высокий, с грозным взглядом. Как тьма навис надо мной и слегка пихнул вперед. Я вздрогнула.

— Ну че встала? Пошли.

— Я с вами никуда не пойду, — Сделала шаг назад.

— Антон! — крикнул амбал, и в кабинет зашел еще один мужик куда больше этого. — Девка с нами. Поехали.

Антон схватил меня за руку и потащил прочь из кабинета начальника.

— Руки убери, — крикнула я и попыталась сопротивляться. Ну куда там, он раза в три больше меня, а его хватка была просто смертельной.

— Будешь орать, получишь по своему личику, так что заткнись и пошли, — сказал этот самый Антон и сжал мою руку еще сильнее. Было больно.

— Вы нормальные? Я на работе. Я никуда не пойду, — выдернула я руку и оглянулась на начальника. Он был спокоен, вел себя как ни в чем не бывало, лишь капля сожаления выступила на его лице.

Антон подхватил меня и с легкостью закинул себе на плечо, будто я мешок с картошкой. А дальше лифт, цокольный этаж, и вот я уже в огромном джипе. Рядом со мной сидел бородатый амбал номер один. Спереди еще двое. Машина тронулась, и мы поехали прочь от отеля.

— Куда мы едем? — Вопрос был проигнорирован. — Вы глухие? Куда мы едем, я спрашиваю? — довольно громко спросила я.

— Слушай, закрой рот уже. Сколько можно? Голова от тебя заболела. Куда надо, туда и едем, тебе есть разница?

— Конечно, есть. Остановите машину, я не хочу с вами никуда ехать.

— А тебя никто не спрашивал. Босс сказал, ты едешь. Новенькая, что ли?

— Новенькая? — удивилась я.

— Еще и слышишь плохо? Тарасов всегда первоклассных девок подгоняет, а ты какая-то бракованная оказалась, — все ржали, а я смотрела на мужчину в полном недоумении.

— Я не проститутка.

— Конечно, нет. Какие плохие слова ты знаешь, — иронично говорил мужик.

— Я серьезно. Я не проститутка. Я в отеле менеджером работаю.

— О как! Ну значит, шлюха со статусом досталась.

— Отпустите меня, пожалуйста, — прозвучало жалко.

— Все, закройся и езжай молча, а то Антоха тебя быстро успокоит, — мне хотелось многое ему сказать, но я замолчала.

Находиться в машине с тремя незнакомыми мужиками было страшно. Я надеялась только на то, что мы приедем в людное место, и я смогу попросить о помощи. А с другой стороны я надеялась, что все это нелепый розыгрыш, хотя вероятность была очень мала.

— Майор, куда едем? — спросил водитель.

— Домой давай, устал я что-то сегодня.

Ехали мы недолго. Минут десять по городу, и вот мы уже на автостраде. Проехали пару километров и свернули к коттеджному поселку. Я никогда раньше не была в этой части города. Поселок был элитным, не для простых смертных. Проехав пост охраны, водитель свернул направо. Я пыталась запомнить дорогу, чтобы сбежать или объяснить полиции, где я.

Мне нравилось читать детективы, так что в теории я примерно знала, что нужно делать при похищении.

Мы подъехали к огромным железным воротам, они тут же открылись, и машина въехала на территорию большого коттеджа.

Дом был огромный в два этажа. Повсюду стояла охрана и камеры видеонаблюдения. На окнах решетки, одним словом — крепость. Я сидела и не дышала. Мне было даже страшно подумать, для каких целей меня сюда привезли.

— Вылезай давай, — я покорно последовала приказу. Антон снова схватил меня за руку и потащил внутрь.

Внутри дом казался еще больше, чем снаружи. На пороге нас встретила пожилая дама, которая даже не удивилась моему присутствию. А точнее, сделала вид, что меня здесь нет.

— Том, давай через полчаса накрывай. Есть хочу.

— С этой что делать? — спросил Антон и кивнул головой в мою сторону. Майор снова осмотрел меня с ног до головы тем же пренебрежительным взглядом.

— В гостевую отведи, она же у нас менеджер, — сказал он с иронией, и Антон усмехнулся. Взял меня за локоть и потащил на второй этаж. Мы прошли длинный коридор. Он открыл дверь в комнату и небрежно запихнул меня внутрь. Дверь захлопнулась.

Я осмотрелась. Обычная комната. У стены стояла двуспальная кровать, столик в углу. В глубине спальни находилась уборная с душевой. Я подошла к окну: второй этаж высоко, да и как тут можно сбежать? Охранники под окнами ходят туда-сюда. Камеры тоже, скорее всего, просматриваются, так что шансов у меня нет. Но я так просто сидеть не намерена. Этот урод еще не знает, с кем связался.

Но мой боевой настрой быстро прошел и сменился паникой.

— Боже, во что я вляпалась? — сказала я вслух. Хотя это не самое страшное, что со мной когда-либо происходило. Но я надеялась, что все позади и что я смогла выбраться, но сейчас я в ужасе. Кто этот мужик? Почему он привез меня к себе домой? Почему я? Что вообще происходит?

Я села на край постели и почему-то вспомнила детство. Я стараюсь забыть все, что со мной было. Иногда, перед сном, когда я закрываю глаза, я придумываю себе новые воспоминания. Представляю себя любимым ребенком с добрыми родителями, которые обо мне заботятся. Представляю отца, который учит меня кататься на велосипеде, пока мама готовит обед. Но потом я возвращаюсь к реальности, и на душе вновь становится паршиво.

Не было у меня такого детства, да и родителей путем не было рядом.

Мама пила, сильно. А отца я не знала. Как-то пыталась спрашивать мать, но она постоянно была бухой, ничего внятного не могла мне ответить. Я частенько оставалась ночевать у соседки, маминой подруги. Но и она впоследствии устала от моего присутствия.

Денег не было. Мамин сожитель где-то работал, и все, что он зарабатывал, они тратили тупо на бухло.

Я вечерами мыла подъезды, а в четырнадцать устроилась в местное кафе посудомойкой. Деньги небольшие, но я могла покупать себе какие-то вещи и нормально питаться. К концу девятого класса атмосфера дома стала совсем невыносимой и в один «прекрасный» день я собрала свои вещи и просто ушла.

Не думаю, что мать заметила мое отсутствие — она меня вообще никогда не замечала. Лишь изредка, когда была трезвой, она вспоминала, что у нее есть дочь. И тогда начиналось

самое неприятное. Она постоянно говорила: «Если бы не ты, моя жизнь сложилась иначе», «Ты копия своего отца», «Зачем я тебя родила», «Надо было сделать аборт» и все в этом роде. Обидно? Было тогда. Конечно, было. Но сейчас уже нет. Мать лихо просрала свою жизнь. Но я не она.

Полгода я жила у одноклассницы. Они с мамой тоже жили вдвоем, пожалели меня и приютили. Утром я училась, а вечером работала, чтобы хоть немного накопить денег. Большую часть заработка я отдавала теть Ире, она поначалу отнекивалась, но потом все же стала брать деньги. Ей тоже было трудно одной растить дочь, а тут еще и я в довесок.

После школы был медицинский колледж, который я закончила с отличием. Но дальше в медицину я не пошла: платили мало. А вот администратор в отеле получал хорошо. Так я и прижилась в отеле, теперь жалею.

Еще через год умерла мама — ожидаемо. Квартиру я продала. После погашения всех долгов оставшаяся сумма была неплохой, и мне удалось купить небольшую студию. Далековато от центра, но в новом доме, с приличными соседями. Не предел мечтаний, зато свой угол впервые в жизни.

На работе все шло хорошо, начальник меня ценил — так я думала до сегодняшнего момента. Через каких-то полгода я стала менеджером и была вполне довольна своей жизнью.

И вот сегодня я отработала смену. В пять вечера зашла к начальнику в кабинет, чтобы отчитаться за месячную работу, а он меня каким-то мужикам подарил. Теперь я сижу тут и даже боюсь представить, что меня ждет дальше.

В комнату постучали. Я вздрогнула. Дверь распахнулась, и внутрь зашла та пожилая женщина. Она принесла вещи и аккуратно положила их на кровать.

— Вот это наденешь и спускайся в гостиную. В семь. — Она хотела было выйти, но я подбежала к ней.

— Меня силой привезли, я не хочу тут быть. Вызовите полицию, — я умоляла.

— Не дури, девочка. Одевайся и спускайся, не опаздывай. — Указала она на часы, висящие на стене, и вышла прочь.

Я подошла к кучке вещей. Вечернее платье, очень откровенное, я в таком никогда бы в жизни никому не показала. Нижнее белье из брендового магазина, красиво упакованное.

— Интересно. Это он меня нарядить решил, чтобы что? Переспать? Идиотизм какой-то! — сказала я вслух.

Я взяла комплект белья и пошла в душ. На всякий случай закрыла дверь в ванной на защелку и встала под теплую струю воды. Рабочий день меня утомил, и я с радостью смывала с себя всю усталость. Хоть помоюсь перед смертью, или что меня там ждет.

Затем надела подаренный мне комплект белья и запасную рубашку, которую я всегда беру с собой на работу. Благо сумка была со мной. Но толку от нее, когда мой телефон стоит на зарядке на ресепшен. Хотела забрать, когда буду уходить домой, не вышло. До ресепшен я так и не добралась.

Надела юбку и вышла из комнаты. В доме было тихо. Я осмотрела коридор — никого. Я спустилась по лестнице и прошла в гостиную. Этот самый Майор сидел за столом. Гордый, как барин.

Я прокручивала в голове варианты того, что скажу ему. Нужно постараться убедить мужчину отпустить меня домой. Надеюсь, у меня получится это сделать.

Когда я зашла в комнату, он пристально посмотрел на меня:

— Не понял? Тебе не сказали, что ты должна надеть?

— Я тебе ничего не должна, — сказала я и села напротив.

— Че борзая такая? Тебя не учили, как нужно себя в гостях вести?

— А я не в гостях. Ты меня силой сюда притащил. В тюрьму попасть не боишься за похищение?

— В тюрьму? — усмехнулся мужик. — Нет, не боюсь. А ты впредь следи за языком, не с пацаном разговариваешь.

— А с кем я разговариваю? Ты ведь даже не представился.

— Я Майор.

— Мент, что ли?

— Ха-ха-ха, упаси бог. Я че, кукла, на мента похож?

— Я не кукла. Я Даша. А тебя как зовут?

— Ты че меня реально не знаешь? — он ехидничал, а меня это дико раздражало.

— Нет. А должна?

— Должна. Твой босс давно на меня батрачит, а кукла и не в курсе.

— Я Даша.

— Я понял.

— А ты тогда почему Майор, если не мент?

— Фамилия такая, Майоров.

— А имя есть?

— Есть, но все зовут Майором.

В гостиную зашла Тома и еще одна женщина. Они поставили перед нами тарелки с едой и тут же ушли. Майор налил себе виски в стакан и предложил мне.

— Я не буду.

— Не ломайся, расслабишься.

— Я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Как так? — усмехнулся амбал.

— Вот так. Мама бухала, так что насмотрелась, что алкоголь делает с людьми.

— И че вообще не бухаешь теперь?

— Никогда не пробовала алкоголь.

— Ты реально бракованная какая-то. Ну ешь тогда. Еду пробовала?

— Не смешно.

— Да нет, очень даже смешно.

Я посмотрела в тарелку. Еда и правда манила своим запахом, а я сегодня даже не обедала, так что решила поесть — силы для побега мне будут нужны.

— Когда ты меня отпустишь? Я домой хочу.

— Ты мой подарок, поэтому пока тут побудешь. Надоешь, домой пойдешь.

— Что это вообще за бред? Какой подарок? Я же живой человек, я не хочу тут быть.

— Какой, спрашиваешь? Борзый слишком. Я тебя приютил, накормил, одежду дал, а ты брыкаешься. Любая на твоём месте уже бы у меня на коленках крутилась.

— Ну так найди себе любую другую.

— Не, с тобой весело.

— Я не буду надевать то блядское платье.

— О как? А какое тебе нужно? — И он осушил виски до дна, налив себе новую порцию.

— Нормальные вещи.

— Антон, — крикнул Майор, и в гостиной тут же появился амбал.

— Отправь кого-нибудь в магаз. Кукла эта только нормальные вещи носит. И что тебе нужно? — Теперь он смотрел надменно, слегка улыбаясь. Даже через стол я смогла разглядеть его зеленые глаза. Они меня пугали. Густые брови делали его взгляд тяжелым. Я почувствовала легкое покалывание в пальцах — это страх растекается по моим венам, когда он на меня так смотрит.

— Спортивный костюм. Кроссовки. Футболка. Шорты. Белье. Зубная щетка. Пижама. Тампоны, — последнее я сказала с наглым лицом, меня раздражала вся эта ситуация.

— Запомнил? — спокойно спросил Майор у своего подручного.

— Ага.

— Давай. Белья можно побольше. На сиськи третьего размера.

— Семьдесят пять С. Размер одежды — сорок два. Обuvi — тридцать семь.

— Услышал?

— Да.

— Мигом.

— Ша все будет, Майор, — и Антон ушел.

Я пристально смотрела на моего собеседника. Кровь кипела, и меня просто разрывали эмоции. Передо мной был здоровый мужик. Просто огромная гора, состоящая из мышц. Он богат, влиятелен. У него вон сколько охраны. А я никто. Если он начнет ко мне приставать, я не отобьюсь. Рядом с ним я как маленький щенок. Шансов ноль. Надеюсь, он сжалится и отпустит меня домой. Хочется верить.

ОН:

... задолбали эти головняки. Пора уже порешать с Тарасовым раз и навсегда. И дело с концом. Да, девок он первоклассных поставляет, но бабки постоянно задерживает. С делами и так непорядок, не хотелось бы еще одну кормушку терять. На место надо поставить, чтоб вспомнил, кому должен за бизнес свой растущий. Совсем разучились люди благодарными быть. Сегодня базар будет коротким...

... этот снова телку мне подсовывает вместо бабок. Последний раз прощаю, и то если кукла стоящая откажется. В прошлый раз переигрывали девки, даже противно было. Ну а че? Знают, кто перед ними, сразу раздеваются. Сучки лицемерные. По пьяни любая подойдет, а вот на трезвую... даже смотреть на них не могу больше, приелись. Или я зажрался?

... подкачал и в этот раз Тарасов. Кукла с придурью оказалась. Не бухает. Меня не знает. Вопросами своими гребаными завалила. Молодая слишком, с виду малолетка, но Тарасов не должен так подставить.

Волком смотрит, неприступную из себя строит. И не такие ноги раздвигали. Сейчас запах бабла почует и, как миленькая, запоем, сама на меня бросится.

Так-то с виду ничего, красивая. Заводит. Но слишком дикая, зажатая. Сломаю...

... а кукла не промах оказалась. Веселит даже. Складно чешет. Список длинный вывалила. Недотрогу корчит, а на шмотки ведется. Все одинаковые бабы пошли. И эта такая же. Не знает она меня, ага. Город небольшой, а я личность известная. Меня каждая собака знает, и эта тоже по-любому. Цену просто набивает. Ну пусть повыпендривается.

Не бухает — плохо. Они по пьяни ох какие горячие могут быть. Ну ничего, не вечер еще, поглядим, на что кукла способна...

ОНА:

Я мигом смела еду и проскользнула наверх. Вернулась в комнату, пока Майор разговаривал по телефону. Тишина пугала. Да и сам дом был неприятным. Повсюду полумрак. Идеальная чистота. Ни одной раскиданной вещи. Неуютный. Такой же, как этот амбал в дорогом костюме. С виду красивый молодой мужчина, но есть в нем что-то, не пойму. Грубый, властный, с неприлично большим эго. Ему плевать на других. Для него люди и не люди вовсе. Нужно бежать отсюда, от него. А то все это может закончиться трагично — для меня.

Бежать? Как? Только если отпустит. Начальник меня лихо подсунил этому мужику, а больше меня никто и не хватится. Была Дашка, и не стало, никто и не заметит пропажи.

Мысли сменяли одну за одной, и страх внутри разгорался все сильнее. Тишина давит со всех сторон. Не могу так. Я обычно включаю музыку после работы, готовлю ужин, пританцовывая у плиты. Иногда включаю телевизор, чтобы отвлечься.

Я посмотрела на стену: телевизор есть. Уже хорошо. На столе нашла пульт и включила новостной канал. Никогда не смотрела подобного рода программы, но сегодня залипла. Агрессивно шли дебаты между кандидатами.

Я не голосую, но в этот раз, может, и пойду, уж очень приглянулся мне один оратор. Пожилой мужчина так грамотно и рьяно излагал свои мысли, что я прониклась к нему симпатией и внимательно слушала.

Как вдруг дверь в спальню распахнулась и в комнату зашел Майор.

— Кукла, ты уже в койке? Оперативно, — сказал он и стал приближаться. Его шатало, вероятно, бутылку виски он все же приговорил. Я соскочила с кровати и прижалась к подоконнику. — О, ты на подоконнике хочешь, без проблем. — И эта гора начала приближаться, пока не подошла ко мне почти вплотную.

— Ты пьян, иди спать. Оставь меня в покое, — пыталась я вразумить амбала, но ему было все равно, что я говорю. Он прижал меня к себе. Резко, одним рывком.

Я отбивалась, вертелась и кричала, но все бесполезно, когда такой огромный мужик, может держать тебя даже одной рукой.

— Поломалась, и хватит. Прекрати дергаться. — сказал мужик и полез рукой мне под юбку.

Запах перегара ударил в нос, и все воспоминания захлестнули меня волной отвращения. То, что я пыталась забыть многие годы, происходит вновь. Меня затрясло. Мандраж, который я не могу контролировать. Ноги будто ватные, я перестала их чувствовать. Чтобы устоять, я обхватила плечи амбала. На тот момент, я уже не понимала, что именно делает мужчина. Чувствовала только его горячие руки на своем теле и противный запах алкоголя. Головокружение, в глазах появились темные точки, а потом и вовсе крошечная тьма.

Глава 2

ОН:

— Тома! — где ее носит так долго. — Тома!

— Да бегу я, бегу, что случилось?

— Девке плохо что-то. В отключке. — Томка ей по щекам бьет, нет реакции.

— Сейчас нашатырь принесу. — Ушла.

На куклу смотрю. Вот же проблемная баба. Я ей потрахаться, а она в обморок. Больная, может?

Тарасову конец, что куклу бракованную подсунул. Надо же, реально в отключке. Легкая такая, даже не сразу понял, что отрубилась, у меня гантели тяжелее.

Не ест, что ли, совсем? Бледная, нехорошо. Кони бы не двинула, мне трупак в доме ни к чему. Да и девка приглянулась. На другой исход я рассчитывал сегодня.

Лицо красивое. Губки пухлые. Ресницы такие длинные. Точно кукла. Волосы растрепаны. Кудряшки на подушке лежат. За руку взял. Холодная.

Где Томку носит? В комнату тут же забегает.

— Че так долго, Том? Смотри, она бледная какая! Паникую.

— Отойдет-отойдет, — Тома ей нашатырь под нос сунула. По щекам хлопает. Девка вроде в себя приходит.

— Дай сюда, — отобрал ватку. Вот же вонючая жижа. — Все, иди, дальше сам.

Кукла глазами захлопала, щеки порозовели. Глаза забегали. На меня уставилась.

Опять трястись начала. Молчит. Глаза злющие стали. Кажется, набросится в любую секунду. Одеяло натягивает на себя. Садится. В кровать вжимается, страшно ей.

ОНА:

— Пожалуйста, не трогай меня, — молю я о пощаде, а у самой глаза слезами наполнились от собственной беспомощности и ситуации всей этой бредовой. Смотрю на амбала и не понимаю его реакцию. На меня смотрит, серьезный и испуганный немного.

— Ты че в обморок грохнулась? Больная?

— Нет, просто ты ко мне приставать начал, и я вспомнила... — дальше говорить не могла, в горле пересохло. — Есть попить?

Амбал встал с кровати. Открыл дверцу стола, а там холодильник, как в отелях. Достал бутылку с водой и протянул мне. Я дрожащими руками схватила бутылку, не смогла открутить крышку, сил не было, руки тряслись.

Мужик выхватил бутылку, легким движением повернул крышку и протянул мне обратно. Я жадно принялась глотать холодную воду.

— Так че с тобой? — говорил он спокойно.

— Все нормально.

— Нормально — это когда ты подчиняешься мне. Я пришел, трахаться хочу, ты соглашаешься.

— Вот это как раз ненормально. Я тебя знать не знаю, ты меня насильно сюда привез. И от тебя перегаром несет, не дыши. — Отстраняюсь. Его выражения режут слух. Я, конечно, не тепличный цветочек, но к такой грубости не привыкла.

— Так ты из-за этого, что ли? Я сейчас жвачку зажую, и норм будет?

— Нет. Я запах этот не переносу. Ко мне как-то мамин сожитель пристал. Я со школы пришла, а мама спала пьянущая. Этот козел лапать стал, он на меня давно странно поглядывал. Но в тот день не ожидала. На кухне готовила, а он зажал прям там... — я сделала глоток воды.

И зачем я рассказываю ему об этом. Я никому еще не говорила о том случае, а тут незнакомцу душу выворачиваю.

— И че? Трахнул?

— Ага! Еще чего. Сковородкой ему по башке зарядила, вещи собрала и ушла из дома.

Больше не возвращалась, пока мать не умерла.

— Со школы?

— Ага. Лет шестнадцать было.

— Мудак конченный, — фыркнул мужчина и скривился от отвращения.

— С этим согласна. А ты накинудся пьяный, силой...

— И че у тебя первый раз такая херня? По трезваку в обморок не падаешь?

— В смысле по трезваку?

— Не тупи. Не отошла еще, что ли? Ну когда по трезваку шпилился, в обморок не падаешь? Я на будущее просто уточняю.

— Я ни с кем не... — не смогла я договорить, но амбал не отставал.

— Теперь я не догоняю.

— Ну ни с кем не сплю я. Как и с алкоголем — никогда.

— Кукла, ну ты мне-то не гони. Ты баба взрослая. Тебе лет сколько?

— Двадцать будет через месяц.

— Ну, завязывай заливать.

— Слушай меня, я тебе тут отчитываться не обязана. Сказала ни с кем не... и с тобой не буду. Ясно? — попыталась сказать грозно, но прозвучало жалко.

— Ну это мы еще посмотрим, — ехидничал мужчина.

— Я Даша. Перестань меня куклой называть.

— А что взамен, Даша? — Глаза прищурил.

— Сковородкой по башке не получишь.

— Хм, ну спасибо и на этом. Все, спи. Пошел я. Устал с тобой возиться.

— Может, я дома у себя посплю? — Внутри меня еще теплилась надежда об освобождении.

— Тут спи. Завтра поговорим.

— Спокойной ночи, — тихо сказала я уходящему мужику.

— Была бы спокойнее, если бы ты мозги мне не делала. Хм... Сковородкой, запомнил.

ОН:

... а девку жизнь помотала, похоже, поэтому и злющая такая. Взгляд прям жуткий, кровь будоражит. Вроде бы лохушка с виду, а есть в ней что-то. Стержень какой. Боевая. Про сковородку из головы не выходит. Отбилась от извращенца и мне угрожает. Не боится. Трясется, но напасть готова, только дай слабину. А я не дам. Дожму. Дело принципа. Не верю ей.

... времена трудные пошли. Все власти хотят, а город не резиновый, места мало. Двигаться никто не хочет. Назревает что-то, жопой чую. Людей у меня мало, надо бы пацанов каких подтянуть. Этот еще с окраины, совсем оборзел, чуть-чуть и сорвется. А он еще от 90-х не отошел, палить начнет точно. У него людей хоть и мало, зато все отморозки конченные.

... отца не хватает. Поначалу круто было: власть, бабки. Только годы идут, через десяток лет и мою фамилию забудут. Не будут, как раньше, дрожать только от упоминания Майора. Отец мог любого на место поставить, жестко, с риском. От того и два срока отмотал. Не жалел ни себя, ни других. А я что? Не могу так. Да и на нары загреметь не хочется. Только вот разговоры и угрозы не работают, нужно методы менять, или просру все. Батя в гробу перевернется, если я не справлюсь. С того света придет и сам меня пристрелит. Не могу подвести ни его, ни пацанов моих, которые впрягаются каждый день.

Все спать надо, день завтра трудный.

ОНА:

Открыла глаза. Лежу. Не хочется вылезать из-под одеяла и принимать реальность. Села на кровать, прислушалась. Тишина. Подошла к окну: охрана так и ходит. Двор пустой, никого. Значит, все уехали.

У стены стояла куча пакетов с одеждой. Все, что я вчера перечисляла, было куплено. Достала зубную щетку и пошла в ванную. Умылась. Надела спортивный костюм и спустилась вниз. Тома суежилась на кухне.

— Доброе утро, — тихо говорю.

— Доброе утро, меня Тома зовут. Присаживайся за стол.

— А я Даша. Только я так не могу, можно вас по имени отчеству называть?

— Конечно. Тамара Михайловна.

— А хозяина как зовут? — решила я расспросить женщину.

— Богдан Константинович.

— Богдан, значит.

Трудное сочетание с отчеством, понятно, почему кличку предпочитает.

— Завтракать будешь?

— Буду.

— Чай или кофе?

— Кофе, с молоком, если можно?

— Конечно, можно. Ты нас вчера напугала. Хорошо себя чувствуешь?

— Да, все в порядке.

— Ну и отлично.

— А Богдан на работу поехал?

— Да. Вечером вернется, к ужину.

— Про меня ничего не говорил? Отпустить не планирует?

— Вот твой кофе и блины, приятного аппетита. А я уборкой пойду займусь, — проигнорировала мой вопрос женщина.

А чего я еще ожидала? Что она мне выложит всю подноготную хозяина или вызовет полицию. Не бывать этому. Тут, наверно, все его бояться.

Я принялась завтракать. Было вкусно.

Ну вот поем я сейчас, и что дальше? Чем мне целый день тут заниматься? Уехал. А я? Я домой хочу, у меня работа в конце концов есть. И зачем я о ней вспомнила? Начальник сволочь, надо же так подставить, я это на тормозах не спущу. Он мне теперь прилично должен. Вот выберусь отсюда и прямиком к нему, такой разнос устрою — мало не покажется.

Вся это ситуация — один сплошной абсурд. Если поначалу было страшно, то теперь уже нет. Богдан этот с виду только грозный, а так ничего вроде. Бандит, но добрый. Такое вообще бывает? Что я о нем знаю? Ничего. Да и не за чем знать. Приедет — буду умолять, чтобы домой отпустил. В ногах валяться, только бы отпустил. А больше мы и не встретимся. Разная у нас жизнь.

Когда завтрак был полностью съеден, я помыла за собой посуду и пошла в комнату. Тома прибирала спальню на втором этаже, и я заглянула внутрь.

— Извините, а у вас нет случайно книжки какой время скоротать?

— Есть. Пойдем в кабинет.

Мы прошли еще две двери, когда женщина распахнула нужную нам комнату. Внутри было мрачно. Все стены были усыпаны полками с книгами. Интересно. На окнах темные шторы. В центре комнаты стоял письменный стол, на нем компьютер. Я огляделась по сторонам, и взгляд притянула полка, которая никак не вписывалась в общий стиль интерьера. На ней находились книги в мягких обложках — любовные романы.

— Очень интересно, — сказала я вслух и потянулась за книгой. — Можно эти?

— Конечно, бери.

Я взяла две книжки, которые первыми попались на глаза.

— Спасибо.

— Не за что, детка.

С книгой в руках я провела часа четыре. Роман был увлекательный, но не правдоподобный. О таких чувствах только что в книгах и пишут. Мне захотелось перекусить, и я спустилась на кухню. Тамара Михайловна готовила обед, что-то подпевая себе под нос.

— Вам помощь случайно не нужна? Уж очень мне скучно.

— Да я уже закончила. Даже не знаю... — растерянно смотрела на меня женщина.

— Может, пирог какой испечем? Любите курник?

— Да я-то что? Если хочешь, пожалуйста. Показать, где продукты лежат?

— Покажите.

— И посуду необязательно за собой мыть, я сама.

— По привычке как-то.

Женщина была очень доброй, может, она его родственница? Или просто работает тут? Молчаливая, лишнего не говорит. Тоже, наверное, боится. На вид ей было лет шестьдесят. Седые волосы были аккуратно собраны в пучок. Фартук как у горничных в отеле. Но меня удивляло не это. Она была милой, доброжелательной, заботливой. Совсем не такой, как Богдан этот. Как можно работать в таком месте? Не понимаю.

Я принялась творить. Готовила я хорошо, с раннего детства в доме готовила только я, так что опыта хоть отбавляй. Я могу приготовить хоть что из минимального набора продуктов. Но в этом доме проблем с этим не было. Холодильник просто ломился, было, где разгуляться.

Через два часа мы с Томой наслаждались моим творением.

— А ты молодец. — Улыбалась мне женщина.

— Вкусно? Я рада.

— Ты первая девушка, кто тут готовит.

— А много их было?

— Да не так, чтобы много. Приезжают, уезжают. Чтобы два дня — такого не припомню.

— А я не хочу тут быть, меня силой притащили. Я домой хочу, — женщина не ответила, лишь жалость читалась в ее глазах.

— Богдан Константинович хороший человек. Жизнь заставила таким быть, работа его проклятая. Он не выбирал, кем стать, по наследству досталось.

— Бандитом быть по наследству досталось?

— Доедай и к себе иди. Не зли хозяина зря. Смотри, и домой вернешься быстрее, если остаться не захочешь.

— Этого точно не будет.

К девяти вечера я дочитала свой роман. Во дворе послышался шум подъехавших машин. Я прильнула к окну — хозяин вернулся домой. Надеюсь, он очень устал и обойдет мою комнату стороной, не хочется мне переживать вчерашнее еще раз. Я быстро приняла душ, молниеносно надела пижаму, которая явно была куплена не для сна. Уж очень откровенный топ и шорты, которые даже попу не прикрывают. Закуталась в одеяло и принялась ждать нападения, но его не последовало. И, как ни странно, уже через час я уснула.

ОН:

— Майор.

— Не сейчас, Антох. Устал.

— Он не заглохнет, сам знаешь. Нужно гада осадить. По-тихому сделаем.

— Нет, я сказал. Два раза повторил, не дошло? Так все оставим.

— Мы крепко прессанули. Сорвется, бойня будет, Майор.

— Устал, сказал. Завтра все вопросы решать будем.

Антоха прав. Крайний после сегодняшнего точно сорвется. Опустил я его ниже некуда. Брыкнет.

— Охрану усиль. Пацанов собери. У меня останетесь. Чуйка не здравая.

— Сделаю, брат. Все будет.

Жрать хочу. Спать хочу. Задолбало все. Свалить бы куда. Да куда тут свалишь, когда разборки такие в городе. Сейчас валить нельзя, за слабость примут. Не вывожу все это, не отец я. Он бы быстро со всем разобрался, да нет его со мной. Уже семь лет как нет, а я все вкурить не могу, как город в узду взять. Совет нужен. К кому бы обратиться?

Не, к нему нельзя, он теперь личность публичная, от дел своих отошел. Может, просто поговорить? Завтра подумаю.

— Том, накрывай, я в душ пока.

— Хорошо.

Девка еще эта. Что с ней делать? Лишняя проблема только. Толку с нее нет. Пусть домой валит, у меня дела посерьезнее имеются, чем с бабой возиться. Да еще и с такой проблемной.

— Не торопись, подавишься.

— Голодный, Том. Очень голодный. Вкусно все. Пирог ты круто замутила. Че раньше не готовила?

— Это Даша испекла.

— Кто? — Чуть не подавился, закашлялся. Эта и травануть может. Но сучка вкусно готовит, может, ее кухаркой пристроить. Интересно, согласится?

— Даша, девушка.

— Да понял я, понял. Не отравит?

— Ну ты что? Мы с ней вместе пирог этот ели. Хорошая она, не обижай ее.

— Без нотаций, помнишь?

— А кто, если не я? Тут все перед тобой дышать бояться. Но не я. Я тебя еще на горшок ходить учила, мне можно.

— Я ем так-то, а ты про горшок.

— Не лезь к девчонке, Богдан. Другая она. Не такая, как эти твои. Хорошая. Натерпелась уже, по глазам видно, хватит с нее. Она домой хочет,пусти ее.

— Сам решу, что с ней делать. Все они хорошие до поры до времени, а как жареным запахнет, велят.

— Ты по матери всех не суди. Не все такие, как она.

— Все, Том, завязывай на сегодня. Нравоучения уже вот тут твои. Спать пойду. Спасибо за ужин.

— Не меня надо благодарить.

Ща как в койку завалюсь. А может, не в свою? Что там кукла делает? Пойду гляну.

Тихо в комнате. Спит, что ли? Ох, как мне сейчас бабской ласки хочется, но с этой не выйдет. Эта и шпилькой заколет, глазом не моргнет, а мне податливая нужна, напряжение снять. Совсем все доконало.

В комнату вошел. Тишина. Спит кукла. Рядом лягу, может и не проснется. Тихонько по комнате крадусь. На кровать залез, скрипит падла. Ближедвигаюсь. Теплая. Пахнет вкусно. Попу свою выставила, так бы и схватил за задницу, так она опять в обморок грохнется, а я устал. Не до ее выкрутасов сегодня.

— Ты что тут делаешь?

Проснулась. С кровати спрыгнула. Темно, но пижаму оценил. Антоха — красавчик. Знает, что покупать. Трясется.

— Спать пришел. Замерз.

— А ко мне зачем?

— Греться будем.

— Богдан, иди к себе.

О, имя мое назвала. Тома болтает дохера. Нужно сказать, чтобы лишнего не трепала всем подряд. Глазища свои снова на меня вылупила, а я улыбаюсь как debil, веселит баба. Ни капли страха в глазах, брови нахмурила, злится.

— В кровать ложись, — приказываю.

— Не лягу, — Головой мотает. Прикрывается руками. Плохо выходит. Трясется, то ли от холода, то ли от страха. Не, эта от страха не будет.

— Я не буду лезть к тебе, просто спать будем.

— А тут почему? У тебя же своя кровать есть.

— Без вопросов можешь? Ляг просто, лежи. Трудно, что ли?

— Не будешь ко мне лезть? Обещаешь?

— Обещаю.

Ложится. С опаской, но ложится. Под одеяло залезла. Рукой за живот взял и к себе придвинул. Хорошо. Попой своей прям в член мне упирается, как держаться?

— Жопой не ерзай.

— Можно еще раз? Неудобно. Я дышать не могу, ты меня зажал. Отпусти.

Хватку ослабил. Пижама шелковая. Приятная на ощупь. Так и хочется залезть внутрь. Не буду. Обещал же. Жопой своей снова трется. Стояк тут как тут. Держусь. Стараюсь гнать мысли прочь. Девчонка тяжело вздыхает. Ноги холодные ко мне прижимает. И кто кого греет? Руку свою на мою положила. Холодная какая. Скорее, хладнокровная.

Расслабляется. А я нихрена не могу расслабиться. Первый раз с бабой сплю, чтоб без секса. Размяк Майор.

— Вкусный пирог был.

— Спасибо. Рада, что понравился.

— Пойдешь ко мне работать? Томке в помощницы.

— Богдан, отпусти меня домой, пожалуйста?

— Имя мое как узнала?

— Догадалась.

— Ага, догадливая. Майор я. Все так зовут.

— Но тебя же Богдан зовут, значит, так и буду называть.

Сильней прижимаюсь. Подминаю прям. Мелкая такая, чуть сильнее — и раздавлю. Руку ее сжимаю. Что не фраза ее, злит меня. Из себя выводит. В волосы носом зарываюсь. Запах у девки какой-то особенный. Приятный. Так и хочется еще раз вдохнуть. Руку вверх потянул в надежде, что сдастся. Крепко держит. Силой не стану. Девка и правда другая. Бесит.

— Домой завтра поедешь.

— Правда? — Аж дернулась от восторга.

— Правда. С утра отвезу.

— Спасибо.

— Спасибо мало.

— Хватит. Ты меня похитил.

— Похитил? Я откуда знал, что ты не девка Тарасовская? На лбу не написано.

— Я говорила. Это ты не слушал. Силком в машину затащил. Похищение.

— Да я в гости пригласил.

Повернулась. Глазами хлопает. Радует. Улыбка до ушей. Смотрит по-доброму. Может, дожать?

— Не врешь? Честно домой отпустишь?

— Отпущу, если поцелуешь.

Вот опять. Волком смотрит. Улыбка махом исчезла. Злость в глазах сияет.

— Ты же обещал не трогать?

— Трогать не буду. Сама поцелуешь.

Думает. Глаза бегают из стороны в сторону. На меня смотрит. Так пристально. Решилась. В щеку чмокнула, как пацана сопливого.

— Доволен?

— Нет.

— Больше не стану. Спи давай.

Отвернулась. Опять попой своей проехала по мне. А я заведен. Ее дерзость злит и возбуждает. Совсем мне мозги заморочила. Завтра избавлюсь от нее и к девкам поеду, к нормальным. Скину напряжение. А сейчас спать.

— Спокойной ночи, Богдан.

— Спокойной ночи... Даша.

У меня вышла бесплатная НОВИНКА

(НЕ) мой выбор

— Кира Прайс, вы арестованы по подозрению в преступном сговоре и... — а дальше я уже не слушала.
 Я ждала, что этот день наступит. Не так скоро, конечно.
 Теперь на меня открыта охота. Картель, ФБР и полиция. Бежать? Спасаться? Или же добиться справедливости, рискнув жизнью?
 Я не выбирала такой путь, но должна его пройти, с гордо поднятой головой.

<https://litnet.com/shrt/n7DK>

Глава 3

ОНА:

Глаза открыла, в комнате никого. Светло. Солнце так ярко светит в окно, что я еще немного понежилась в теплой кровати. Потом резко посмотрела в сторону. В постели только я. Ушел, что ли? А как же обещание? Я домой хочу. А может, он врал? Зубы быстро почистила, умылась. Костюм спортивный нацепила и вниз. На кухне он. Сидит кофе пьет. Тома меня увидела, улыбнулась.

— Доброе утро, Даша.

— Доброе утро.

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

Я села рядом с Богданом. Косится на меня. А я на него.

Молчит. И я молчу. Спросить боюсь. Может, передумал меня отпускать? Вчера он расстроенный был, по голосу было понятно. А сегодня и вовсе злющим кажется. Точно передумал.

— Ешь, собирай вещи, и поедem. У меня дел много.

Внутри фейерверк радости взорвался. Не показываю. Улыбаюсь в душе.

— Хорошо. У меня вещей-то не особо.

— Все забирай. Все, что Антоха привез. Мне лишние шмотки в доме не нужны.

— Поняла, все заберу, — И Богдан ушел. Я обратилась к Томе.

— Не в духе?

— Проблемы у него. Расстроен.

— Ясно. Ну хоть я домой вернусь.

— Рада?

— Очень, — уже не сдерживала я восторга.

Ела я быстро. Точнее, просто затолкала кусок омлета в рот и запила кофе. Еще быстрее собрала все вещи и спустилась в низ. Богдан с Антоном стояли в холле.

— Ну наконец-то. Поехали уже, я тороплюсь.

И правда не в духе. А мне и дела нет до его настроения, через полчаса я буду у себя дома и постараюсь забыть все, что произошло за эти два дня.

Мы вышли на улицу. Раннее утро. Жара. Солнце приятно светит прямо в лицо. Во дворе было многолюдно. Три черных джипа стояли в ряд. Мне стало не по себе. Видимо, и правда проблемы, раз столько охраны. Я села в машину. Со мной Богдан и те же двое спереди.

— Держи, — и Богдан протянул мой телефон.

— Спасибо, как ты его нашел? — Обрадовалась.

— «Спасибо» достаточно.

— Ну тогда еще раз спасибо.

Может, у него расстройство какое? Вчера ночью он был другим, а сегодня стал прежним. Злым и грубым. Подбородок вздернут, губы поджал. Сосредоточен. Одет с иголочки. Интересно, а ему удобно постоянно в костюме ходить? На улице жара, а он в пиджаке, глупость какая. Ну хоть телефон вернул, уже что-то. Заморочился. Хотя не сам, по-любому Антоху заставил. Этот не станет, прислугу отправил.

Мы отъехали от коттеджного поселка. Вокруг было столько зелени. Круто, наверно, тут жить, свежий воздух.

Я смотрела в окно и не могла дождаться, когда окажусь в своей квартире. Перекресток. Налево — трасса, направо — лес. Резкое торможение. Я выставила руки вперед, инстинктивно. Ремень безопасности удержал и больно обжог шею. Смотрю вперед. Дорогу перегородили. Из машин выскакивают мужчины, в руках пистолеты. Слышатся выстрелы. Начинается

что-то страшное. Не понятное для меня. Мы в центре колонны. Из машины вылезают парни и стреляют в ответ. Я прячусь за сидение. Сжимаюсь. Трясет. Паникую и не знаю, что делать.

Смотрю на Богдана, он в ярости. Вижу, как скулы задергались на его лице. Пистолет достал. Выходить собрался. Я его за руку хватаю, не хочу одна оставаться.

— Тачка бронирована, сиди, не высывайся, — На лице ни капли страха, а я в ужасе.

Дверь открыл. Стреляет, вперед побежал. Лицо руками закрываю. От страха знобит. Выстрелы не прекращаются. Выглядываю из-за сидения. Антон, вижу, тащит кого-то. Богдана? Ранен?

В машину заталкивает. Рубашка в крови. Не понимаю, куда попали, в плечо? В грудь? Антон на меня смотрит.

— Водить умеешь?

— Умею.

— Садись за руль. Увози его. Мы тут разберемся.

Не двигаюсь. Смотрю на Антона. Он на меня. Резкая пощечина. Щеку жжет. Но в себя пришла. Включилась.

— Очнись. За руль бегом. И в лес. На трассу и в город. В первую городскую вези, мы, как разберемся, подскочим. Сейчас.

Дверь захлопнул. Перелезаю вперед. Я сажусь за руль. Разворачиваюсь, и в лес. Ладонки вспотели от страха. Гоню. Куда еду? Не знаю. До трассы быстро доехала. В город мчу. Богдан стонет сзади, больно. За нами никого. Что делать? В больницу? Они полицию вызовут.

Что мне им говорить? Опять стонет. Жалко. Останавливаться нельзя, автострада. Проезжаю еще пару километров, вот и город.

Может, в больницу отвезти и сбежать? Телефон есть, позвоню. Нельзя! Он меня потом найдет и точно закопает. Нужно съезжать на мосту. Ко мне поедет. Дома все, что нужно, есть, но надо бы на рану глянуть, могу не довезти. Ехать недолго, минут десять. Стонет — это хорошо, значит, живой. Черт, как я оказалась в этом дерьме?

Торможу. На обочине. Назад перелезаю. Богдан без сознания. Край пиджака отгибаю. Алая кровь пропитала белую рубашку. Знакомая картина: я, когда в травме подрабатывала, во время учебы и не такое видела. Приподнять попыталась, тяжеленный, спину трогаю. Пуля внутри, не прошла навывлет. Дышит хорошо, значит, легкое не задето. Кровь хлещет. Дотягиваюсь до сумки, достаю свою блузку, в комок скручиваю, рану зажимаю. Усаживаю его, тяжелый какой, еле вышло. Ремнем безопасности фиксирую повязку. За руль сажусь, опять еду. До дома немного осталось, но мне помощь нужна, я его одна в квартиру не затащу. Соседу позвоню — он бухает и за бутылку все сделает. Светло на улице. А если увидит кто? Хотя на работе все, может и прокатит.

Телефон хватаю. Ищу нужный номер. Руки в крови, пальцы к экрану прилипают.

— Вань, ты дома? — ору в трубку.

— Дома. Опять розетка? — По голосу трезвый, это хорошо.

— Нет, помощь нужна. Денег заплачу, хорошо заплачу, если язык за зубами будешь держать.

— Что нужно?

— Я подъеду сейчас. Пять минут. Выходи, поможешь мне друга до квартиры дотащить.

— Бухой?

— Ага.

— Все, спускаюсь.

Ванька — хороший мужик. Но пьет. Жена ушла, ребенка забрала, а он еще сильнее бухать начал. Руки у него золотые. Хоть что починит. Да и сам здоровый мужик, сильный, почти как Богдан. Думаю, вдвоем дотащим.

К дому подъехала. Ванька у подъезда уже стоит. На улице вроде бы никого. Из машины вылезает. Дверь открываю.

— Давай хватай его, ко мне понесем.

— Здоровый какой. Дашка, он в крови весь... — У Ваньки страх в глазах.

— Знаю я. Несчастный случай.

— Понесли.

Ванька вопросы не задает. До лифта еле дотащили. Богдан в себя приходит. На меня смотрит, глаза стеклянные.

— Это я, Даша. Все хорошо.

Успеваю сказать, и он опять отключается, рубашка уже насквозь кровью пропитана. До квартиры метров десять, тащим. Дверь открываю, внутрь затаскиваем.

— Держишь?

— Держу.

Диван пеленками застилаю, у меня тут больничного барахла полно.

— Клади его на спину. На ключи. Машину отгони, дома через два припаркуй. Там пакеты в тачке, тащи все сюда.

— Понял.

Аптечку достаю. Все, что нужно, есть. Почти. Антибиотики надо, капельницу. Бумажку хватаю, пишу, что купить нужно. Руки трясутся. Богдан снова стонет. Времени нет, нужно помочь ему. Деньги из заначки достаю, тридцать тысяч, хватит. На стол кладу.

Волосы убираю, руки мою. Ножницами пиджак его кромсаю, рубашку. По пояс раздела. Рана небольшая, кровь хлещет. Перчатки, антисептик. Бинтом зажимаю, пока инструменты готовлю. Ванька вернулся.

— Деньги возьми на столе. И в аптеку сгоняй. Купи все по списку. Сдачу себе оставь. Если мало, еще дам, нет налички больше.

— Сейчас сгоняю.

Ваня ушел. Я шприц набрала и обезболивающее вколола. Седатик. Капельница ой как нужна. Пока с пулей возилась, Ванька вернулся. Пулю вытащила. Крови много потерял, от этого и без наркоза в отключке. Капельницу поставила, Ваньку держать заставила. А он спокоен, вопросы не задает. Смотрит и молчит.

— Возьми вешалку, на нее повесь пакет. И иди. Дальше сама справлюсь.

Ванька ушел. Хороший он. Позже еще отблагодарю.

Рану обработала, зашила, перевязала. Помнят еще руки свою работу. Собрала все бинты, выбросила, порядок навела. Укрыла Богдана, свет выключила, шторы закрыла. Отдых ему нужен.

Зазвонил телефон. Не мой. Богдана. Трубку беру, Антон.

— Алло?

— Майор где? — Разъярен.

— У меня дома.

— Какого хрена не в больничке?

— Я пулю вынула, зашила. Спит он, все хорошо будет, а в больнице полиция.

— Точно нормально он?

— Точно.

— Ты врачиха, что ли?

— Медсестра.

— Ладно. Очухается, пусть наберет.

— Хорошо.

До вечера Богдан крепко спал. Две порции седативного этому поспособствовали. Я приготовила суп, пожарила котлет, салатика настрогала. От стресса есть хотелось смертельно. Доходило почти шесть, когда послышался шорох. Я подошла к мужчине.

— Добрый вечер, — сказала я, наклонившись над Богданом.

— Добрый, — глаза бегали. Пытался понять, где он. На меня смотрит — никакой реакции.

— Где я?

— У меня в гостях. — Улыбаюсь. Порция ехидства ему на пользу.

— Подстрелили?

— Ага. Стрелок фиговый оказался. Пуля, скорее всего, через что-то сначала пролетела, а потом уже в тебя. Так бы на вылет было. А эта между ребрами застряла, быстро поправишься. Пулю я вытащила. Прокапала тебя. Теперь недельку уколы поставишь, и все, как новенький.

— Ты че, врачиха?

— Медсестра.

— Удачное совпадение.

Встать пытается. Морщится. Больно. Виду не подает. Ну конечно. Что такое пуля для Майора? Пустяк.

— Не спеши. Ты крови много потерял, — Отмахнулся.

— Пацаны мои где?

— Не знаю. Антон звонил, сказал, очнешься, перезвонить ему.

— Телефон где?

— Держи, я тебе суп пока налью.

Пока Богдан говорил по телефону, я налила ему бульон и поставила на столик около дивана. Он пристально посмотрел на тарелку, потом на меня.

— Адрес тут какой?

— Леонова 128а, квартира 204.

— Слышал? Жду.

Я подошла к Богдану и потрогала его лоб. Даже не дернулся. Температуры не было. Хороший знак, заражение нам ни к чему.

— Все норм?

— Ну да. Сидишь, разговариваешь. Значит, нормально. Ешь давай.

— А нормальной хавки нет? Я че воду хлебать должен? — возмутился больной.

— Начни есть. Если не вырвет и организм все усвоит, дам, как ты выразился, нормальную еду, — ехидно улыбнулась я.

— Мстить решила?

— Мстить? — Хотя отомстить ему бы не помешало.

— Ну да. Я тебя хоть нормальной едой кормил, не водой.

— Ничего я не решила. У тебя организм сейчас ослаблен, твердую пищу может не усвоить. Ешь, сказала!

— Да не ори ты так. Ем.

ОН:

... а девка, значит, медичка. Лихо меня подлатала. Антоха сказал, что она меня с перестрелки увезла. Могла бы на обочине выбросить, чтоб подох, как собака. А нет же, заморочилась. Нахрен ей это? Может, баблю почуяла? Да она вроде не падкая на бабки. Хотя хрен их разберешься, баб этих. Сегодня одно, завтра другое. Состояние говно. Рука болит. Грудок ноет. Спать хочется. Жрать. А она мне воду свою подсунула, сто пудов издевается. Мяса хочу.

— Здорово, брат, живой — это хорошо.

— Как там пацаны мои? Все живы?

— Все. Диману досталось больше всех, мы его в больничку определили, жить будет.

— Крайнего парни были?

— Его. Что делать будем?

— Пока ничего. Подождем. Мне подлечиться надо, а потом уже побазарим.

— Да не поможет базар. Я тебе говорил. Он тебя чуть ли не дома шлепнуть хотел. Врас-
плох застал...

— Ждем, говорю. — На Антоху смотрю. Заткнулся. По взгляду понял, что не до споров
мне сейчас.

Дашка зашла. Антоха на нее глаза свои вылупил. Нихрена. Пока я куклу не распечатал,
Антохе не светит.

— Голодный?

— Да.

— Руки мой и садись за стол.

— Че?

— Ну руки помой перед едой, ванная вон там.

Ржу. Девка выдает с каждым разом все больше и больше. При первой встрече такой сме-
лой не была. А сейчас только и делает, что указания раздает.

— А ему почему котлеты, а мне вода?

— Сейчас и тебе принесу. Не тошнит?

— Нет, нормально мне.

Готовит баба неплохо. Ел бы и ел ее стряпню. Антоха тоже закидывает только так.

— Щека не болит? Не сильно я тебе вмазал?

— Ты че сделал? — охреневаю от Антохиных действий. Кукле моей врезал?

— Да она тормознула. Я ей говорю: «Вези Майора», она вылупилась и молчит. Ну я ей
леща слегонца и прописал. — Глаза виноватые.

— Нет, не болит. Я в шоке была, наверное, да и сейчас еще не до конца отошла.

— Дашка, котлеты зачет, — улыбается кукле. Глаза свои хитрые строит. А девка не реа-
гирует. Вроде мягче стала, волчий взгляд свой спрятала. Но все равно с опаской поглядывает.

— Ешь, ешь. Добавка есть, если надо.

— Ты как меня сюда затащила?

— Сосед помог. За стенкой живет, хороший мужик, если бы не бухал. Денег дала, помог.

— Ты еще и деньгами впряглась?

— Вернешь потом, с процентами.

— Ясно.

— Антоха, ты мне шмотки привези. В душ хочу. Я Томе щас маякну, она соберет.

— Домой не поедешь? — удивляется.

— Тут отсижусь. Искать не станут.

— Ты можешь ехать. Я напишу, какие уколы ставить надо.

— Выгоняешь?

— Не держу.

— Шмотки привези. Остаюсь тут.

Кукла в лице изменилась. Злится. Из комнаты вышла, но я ее злость и через стену чув-
ствую.

Избавиться захотела? Хрен там. Я нервы ей чуток еще помотаю. Может, отгает и даст.
Хотя мне и не хочется пока. Сил нет совсем. Глаза закрываются. Напичкала она меня своими
лекарствами. Сам не свой.

ОНА:

— Че хата такая маленькая? — разговорился раненый, пока я со стола убирала.

— На что денег хватило. Зато моя.

— Прийти кто-то может?

— Нет. Только сосед денег занять, но и он не придет. Я ему достаточно заплатила, будет неделю бухать точно.

— Так себе жизнь у тебя, — слышалась нотка пренебрежения. Но мне было плевать. Потерплю эту ночь, завтра он уедет, и закончится моя чередка неприятностей.

— Обычная жизнь. Нормальная. Никто в меня не стреляет.

— Хм, ну да.

Пока я мыла посуду, приехал Антон и привез вещи Богдана. Огромную сумку.

— Ты переезжаешь, что ли, сюда? — опешила я от увиденного.

— Нет. Так, на всякий. Я в душ.

— Рану только не мочи. Выйдешь, перевязку сделаем и укол. И в кроватку баю-баю, — ехидно говорю я, слегка улыбаюсь. Все-таки частичка мести присутствует.

— Укол не будем.

— Будем. А то заражение пойдет.

— Нет, сказал.

Богдан пошел в душ, а я застелила постельное на диван.

— Мы вместе уже спали, просто спали. Надеюсь, он будет благодарным и не станет приставать ко мне. Может, ему еще седатика вколоть? Ладно, не стану. — бурчала я себе под нос.

На всякий случай надела пижаму, довольно теплую для летних ночей, зато максимально закрытую, чтобы не провоцировать. Богдан мылся слишком долго, и я постучала:

— Ты там живой?

— Присоединиться хочешь? — спросил он через дверь. Наглец.

— Давай быстрее, тебе лежать надо.

Он вышел через минуту. Штаны в гостях, видимо, его не учили надевать? Впервые по моей квартире разгуливал здоровенный мужик в одних трусах. Он сел на диван, где я уже приготовила необходимое для перевязки. Я надела перчатки, обработала руки. Набрала шприц и подошла к нему.

— Я вроде четко сказал: без уколов.

— На живот ложись, — говорю строго, знаю, как с пациентами нужно разговорить.

— Не дам жопу колоть, — Как маленький, боится, что ли?

— Я уже колола, пока ты без сознания был.

— На жопу мою пялилась?

— На край ягодички. И я не пялилась. Ложись давай. Это не больно, как комарик укусит.

— А чувство юмора у тебя норм.

— Не жалуюсь.

А он все-таки был прав. Я пялилась. Еще бы, на такой-то зад грех не посмотреть.

Богдан целиком и полностью состоял из упругих мышц. Сейчас я разглядела его еще и со спины. Она была широкой, мощной. Загорелая кожа.

Я странно себя чувствовала. Вздонованно. В голову лезли непонятные мысли. Этот мужчина меня явно привлекает, физически. Только так. Разве мне может понравиться такой грубиян? И это еще мягко сказано. Я осуждаю его образ жизни, манеры, речь — да все. Он гораздо старше. Десять лет — немало. И тут я поймала себя на мысли: а зачем я вообще об этом думаю?

Инъекция была сделана, я переступила к перевязке. Осторожно убрала старую повязку и начала обрабатывать рану. Богдан положил свою руку мне на бедро.

— Давай ты будешь держать свои руки при себе.

— Мне больно.

— Не ври. Я тебе обезболивающее вколола.

— Можно же мне немного чего-то приятного? В меня так-то стреляли.

— Все готово, ложись.

— Ща лягу.

Он обхватил второй рукой мою ногу и положил голову на живот. Не знаю, что он делал, но мне было неловко. Я сняла перчатки. И хотела отойти. Он не позволил. Лишь сильнее прижался.

— Богдан, прекращай.

— Приятно? — Продолжал он прижимать меня сильнее, поглаживая ноги.

— Нет. Я спать хочу, устала. День был, мягко говоря, насыщенный, — я пыталась освободиться. Безуспешно.

— Как я устал, Дашка. Сил нет.

— О, прогресс. Я уже Дашка? Не кукла?

— Ты и не была куклой. Вредная ты баба, бесячая. Куклы — они податливые обычно.

— Буду считать за комплемент.

— Удивила ты меня. А меня давно уже ниче не удивляет. Не трухнула, когда прижало.

Не кинула, хотя была возможность.

— Ну я обычно людей в беде не бросаю. И уж тем более убивать мне тебя не хотелось. Хотя мысль такая была, врать не буду.

Богдан поднял голову. Уперся подбородком в мой живот и посмотрел в глаза. Взгляд был уставшим. Тревожным. Но добрым, не то, что тогда в кабинете начальника. Зеленые, даже изумрудные глаза с большими зрачками смотрели прямо на меня. Мокрые волосы свисали по лбу. Густая борода недавно подстрижена и четкий контур на губах — мечта всех девушек. Я смотрела на него и не могла оторваться, не двигалась, не дышала.

Он резко подхватил меня за бедра и усадил на колени. Я непроизвольно ахнула от неожиданности. Мне пришлось держаться за его шею, чтобы не упасть назад. Хотя я бы и не упала. Держал он крепко.

Глава 4

ОН:

И что я тут забыл?

Домой надо ехать, дела решать, а я в этой хате сижу. Почему-то не хочется уезжать. С куклой хорошо. Смешит меня, дура наивная. В добро верит, а я не в добро. Совсем наоборот. Надо оставить девку в покое, пусть живет как хочет. Не могу. Интерес проснулся, который давно уже спал. А тут девчонка малолетняя разожгла.

К животу прижался. Теплая. Дышит часто.

Лицо серьезное было, когда меня перевязывала. Аккуратно, еле касается. Больно боится сделать. Через перчатки чувствую, какие пальцы холодные.

Сейчас в глаза смотрит. Не боится совсем. Думает, я ее не обижу. Так и есть. Сил нет совсем, но ее хочу. Не трахнуть, так, теплом согреться. Ласку почувствовать. Не как от баб этих продажных, а настоящую.

На губы смотрю, жажду их. Так бы и зажал ее, но в обморок грохнется. Попробую. Не захочет — отстану, а если захочет...

На колени сажу. Руками хватается. Приятно. Руки ледяные просто. За шею держится, не дышит. Ждет, что дальше делать буду. Не настаиваю. Попу ее в руках держу. В глаза смотрит. К губам приближаюсь, останавливаюсь в сантиметре, дрожит немного. Крепче руки сжимаю, чтобы силу почувствовала, защиту. Больше никто ее не обидит. Я не позволю.

— Богдан, не надо, отпусти, — тихо говорит, боится меня разозлить.

А я не слушаю, только о губах ее и думаю. Вкусные, наверное. Никем не целованные.

— Разок поцелую. Обещаю. И спать.

Ответа ждать не стал, чтоб не было времени подумать. Губ касаюсь, а она пальцами крепче впивается в шею, напряглась вся. Еще касаюсь, пока в сознании, трясется, но без истерики. Не могу так. Медлить не могу. У меня стиль другой.

За шею рукой беру и, как зверь, впиваюсь. Поначалу никакой отдачи. Не сдаюсь. Она ротик свой приоткрыла. Отвечает. Поддается. Языком язык ее трогаю. Возбуждаюсь. Попу ближе придвигаю. Прямо в член упирается. Кровь закипает. Знаю же, что концовки не будет. Обещал.

Наплевать? Дожать девку? Не буду. Во сне еще придушит. Руки так и тянутся в запретные места. Держусь. Губами наслаждаюсь.

Отстраняется. На меня смотрит. Испуганно. Хватку ослабил. С колен соскочила и в ванну. Закрылась. Воду включила.

Дурак, блять. Зачем? Обещал же.

ОНА:

Боже, что я творю? Даша! С бандитом целуешься. Первый поцелуй — и с кем? Сердце как бьется, ударов сто двадцать, не меньше. Щеки красные. Руки трясутся. Волнение внутри. А самое ужасное, что понравилось. Сильно понравилось. Богдан вроде бы злобный, опасный, но и нежным бывает, как сейчас.

Все равно нельзя. Мало тебе проблем, дура?

— Ты че закрылась? — За дверью стоит. А у меня щеки еще краснее становятся. Руки трясутся, как у алкаша с утра. Кажется, еще чуть-чуть, и сердце выскочит из груди.

— Я сейчас выйду. Иди спать.

Как выйти? Как в глаза смотреть?

На отражение свое уставилась. Отчитывать начинаю за безрассудный поступок: «Бери себя в руки. За тобой и раньше парни ухлестывали, ты же держалась. А это не парень. Это

взрослый мужик. Преступник. И ты с ним? Совсем с ума сошла? Прекращай мне такое творить. Хватит».

Минут через пять выхожу из ванной. Богдан лежит на диване. Щелкнула выключатель, в комнате совсем темно стало. Через ноги его перешагнула и легла. Одеялом укрылась. Тишина такая в комнате. Только дыхание наше и слышно. Разворачиваюсь к нему, смотрю в глаза.

— Давай ты завтра домой к себе поедешь? — говорю спокойно, чтобы не провоцировать.

— Надоел?

— Я просто хочу и дальше жить своей обычной жизнью. Без...

— Без меня?

— Да, я не знаю тебя и не хочу узнавать. Участвовать в этих твоих разборках, перестрелках. Мне повезло, что все хорошо закончилось. Меня могли там убить.

— Ты преувеличиваешь.

— Преувеличиваю? Это я еще преуменьшаю. Слушай, — я сделала паузу, глубокий вдох, — у меня было хреновое детство. Я очень много работала, чтобы иметь все, что сейчас имею. Мне нравится жизнь, которую я сама себе дала. У тебя жизнь другая — опасная. Может, она тебе нравится, но она не для меня.

— Я понял. Один день дашь еще отсидеться?

— Один день.

Я отвернулась к окну, а Богдан меня притянул к себе, крепко стиснув в своих теплых объятиях. Я не стала сопротивляться. В таком положении мне было спокойно, и я быстро уснула.

Просыпалась часто. Мужчина во сне стонал. Болит, наверное, рана? Укрою его и снова засыпаю.

Открыла глаза. Утро. На часах полвосьмого. Надо бы решить вопрос с работой, и я знаю как. Тихонько слезла с дивана и поспешила в ванную. Умылась, нанесла легкий макияж.

Уже доставала из шкафа одежду, хотела сбегать потихоньку, чтобы в глаза ему не смотреть с утра. Но мой временный сожитель проснулся.

— Куда намылилась? — говорит грозно. Даже с утра он не может по-другому.

— И тебе доброе утро.

— Доброе. Куда намылилась?

— На работу съездить хочу.

— На какую?

— В отель «Милтон». Помнишь такой?

— И че ты там забыла?

— Я там работаю.

— Так ты работать едешь?

— Нет. Я еду поговорить с начальником о том, что он просто обязан меня повысить и дать неделю отпуска за доставленные неудобства.

— Я ща ему наберу, и ты его замом станешь.

— Не надо. Я сама справлюсь, а ты отдыхай. Телек посмотри.

— Так себе занятие.

— Книжку можешь почитать. Я видела, у тебя дома много книг. У меня, конечно, выбор не велик, но что-нибудь подберешь.

— Давай я Антохе свистну, он тебя свозит.

— Я на такси.

— Ок. Надолго?

— Думаю, пару часов. Продукты еще нужно купить.

— Я все куплю. И обед нам организую.

— Хорошо. Тогда я пошла.

Я вышла из дома. На улице было тепло. Разгар лета. Впереди ждет жара. Завтра Богдан уедет, и я заживу, как раньше. Буду работать, копить, и, может, когда-то моя мечта исполнится.

Я хочу жить у моря. Там, где лето теплее, где зимы не такие холодные. Подальше от этого города, от воспоминаний о детстве, да обо всем, что меня расстраивает.

Такси подъехало быстро, и уже через десять минут я стояла за дверью кабинета начальника.

— Доброе утро, Дмитрий Григорьевич, я зайду? — сказала я и зашла в кабинет начальника, не дожидаясь приглашения.

— Доброе утро, Дашенька, — сказал начальник. Он был удивлен моему приходу. Еще бы.

— Давайте поговорим с вами прямо? Хорошо?

— Давай.

— То, как вы поступили, подарив меня Богдану, то есть Майору, меня немного огорчило. Он хотел было вам сегодня позвонить, но я попросила его этого не делать. Я думаю, вы человек умный, и сами сможете во всем разобраться. Ведь так? — На лице начальника был виден страх, когда я упомянула Богдана. Надеюсь, он простит меня за эту шалость.

— Да, так. Мы во всем разберемся. Что ты хочешь?

— Для начала отпуск. Одной недели будет достаточно. Ну а потом я хочу стать управляющей вашего отеля. Официально, естественно.

— Хорошо. Что еще?

— Это все, — начальник выдохнул. — Дашенька, ты всегда была хорошим работником ... — я перебила его, в меня прям какая-то наглость вселилась.

— Давайте мы опустим все лицемерные высказывания. Я просто хочу работать. Работаю я хорошо, вы знаете, и эта должность мне по плечу. Ну раз мы все решили, я пойду. Увидимся через неделю.

— Всего хорошего, Дашенька.

Я вышла из кабинета. Домой не спешила, хотелось немного пройтись. Солнце так приятно пригревало лицо, на такси я не поехала, пошла пешком. Мне нравится ходить пешком. Прогулка помогает думать. И мне есть, о чем подумать. О том, что хорошо, а что плохо. Последнее время я немного заблудилась, нужно бы найти выход из всей этой ситуации.

Жила я недалеко, всего в паре кварталов. По дороге зашла в аптеку. Нужно было пополнить запасы. Купила пластырь, бинт, антисептик, перчатки — в общем разную мелочь.

Домой вернулась почти к обеду. Из моего подъезда как раз выходил Антон.

— Привет.

— Здорова, Дашка, — улыбался мужчина. Умеет, однако, улыбаться. В первые минуты нашего знакомства он показался мне каким-то киллером.

— Ты чего тут?

— Майор озадачил, хавку вам привез.

— Спасибо тебе.

— Да без базара, обращайся.

— Нет уж. Завтра Богдан уедет, и я надеюсь, мы с вами больше не встретимся. Без обид.

— Ха, не думаю, — усмехнулся Антон.

— Почему?

— Я Майора сто лет знаю. И чтобы он вот так перед бабой плясал, не было такого.

— Ничего он не пляшет. Просто благодарен за то, что я ему помогла.

— Херню мелишь. Благодарен он, ага. Разок бы отблагодарил, и гуляй себе. А тут в хате твоей засел и не валит.

— Не придумывай ерунду. Я пойду. Так есть хочу, нагуляла аппетит.

— Чеши. Пока.

— И тебе пока.

Когда я зашла в квартиру, сразу услышала звук работающего телевизора. Богдан лежал на диване, но при виде меня тут же подскочил.

— Ты где была? — начал он с вопроса, а я еще и разуться не успела.

— Не поняла? — посмотрела я на него глазами, полными недоумения.

— Ты сказала ненадолго, а сама полдня шлялась, — голос повысил.

— И почему ты на меня орешь? Я по делам ходила.

— По каким делам?

— Что случилось-то? Что ты на меня накинулся?

— Ну мало ли, может, ты засветилась. Мы вопрос с Крайним еще не решили. Ты ушла непонятно куда. Телефон тебе нахера?

— Ты звонил? У меня беззвучка, наверное. Переживаешь за меня? — Я улыбнулась. Богдан смотрел пристально. Он был зол, даже разъярен.

— Не смешно.

— А мне смешно, может, тебе успокоительного колынуть? Ты что-то разнервничался. Сильно не напрягайся, а то давление поднимется, шов закровит.

— А ты че смелая такая?

— Ну я на своей территории.

— А, вот оно что.

— Я есть хочу. Давай поедем?

— Роллы любишь? — спросил он уже спокойным тоном.

— Да.

— В холодильнике, Антоха привез.

— Это замечательно. Я руки мыть, и будем обедать.

Мне было неловко находиться с ним в одной квартире. Когда я на него смотрела, сразу всплывала картина вчерашнего поцелуя, и я чувствовала, как начинала краснеть.

Ели мы молча, и эта тишина нагнетала. Я решила немного разрядить обстановку.

— А я теперь управляющий отеля.

— Не удивила. Как удалось?

— Угрожала.

— Понахваталась ты, смотрю.

— Не от тебя уж точно. Я и до знакомства с тобой умела с людьми общаться так, как они заслуживают.

— Не сомневаюсь.

— Так что недельку отдохну и на работу.

— Странная ты.

— Почему?

— Пахать любишь. Мужика богатого найти не судьба? Тебе это не составит большого труда.

— Не мой метод. Я и сама могу себе на жизнь заработать. Всегда зарабатывала. А на мужиков тоже рассчитывать не стоит. Попашу моего возьми — свалил. И даже ребенок его удержать не смог.

— Дети никого не держат, ни баб, ни мужиков. — Богдан изменился в лице, задумался.

— Ну вот о чем я и говорю. А у тебя есть родители?

— Нету.

— Умерли?

— Отец. А мать хер знает где. Может, тоже уже нет.

— Не общаетесь?

— Давай мы молча поедем? Ты не можешь не тархтеть? — Мой вопрос раздражал Богдана. Он сразу напрягся.

— Вот почему ты не можешь по-человечески? Я же просто интересуюсь, необязательно сразу грубить.

— Ты же ничего не хотела обо мне знать.

— И то верно. Давай доедай тогда, и твое любимое тебя ждет. Укольчик.

— Затрахала ты меня со своими уколами уже. Хватит!

— Будешь так со мной разговаривать, еще и на сон-час уложу, понятно?

— Понятней некуда.

Пока я мыла посуду и убирала со стола, Богдан с кем-то очень эмоционально разговаривал по телефону. И как он может уместить столько матерных слов в одном предложении? Талант, не иначе.

В холодильник ничего не влезало. Да он и не предназначен для такого количества продуктов. Казалось, Богдан скупал все. Колбасы только видов пять, некоторую я даже и не видела никогда на прилавках. Фрукты, овощи, мясо, сыры. Он же завтра уедет, зачем мне столько продуктов? Может, он не собирается? Или просто решил меня едой обеспечить? Да я вроде не голодаю. Я же не нищенка какая-то. Мне просто не нужно столько.

ОН:

И как можно жить с бабой в одной квартире?

Мозги постоянно делает: руки мой, уколами меня своими задолбала уже. Свалила на полдня, я уж думал, ее шлепнул кто, а нет же, вернулась.

Дерзит. Осмелела. Может, я размяк, что баба мной вертит, как хочет? Указывает.

Валить пора, поиграли, и хватит. Да и не играли путем.

Домой приеду, надо на выходных пьянку закатить, девок нагнать, расслабиться. Но сначала надо вопрос с Крайним решить, одной проблемой станет меньше.

Этот еще в город приезжает скоро. Встретиться бы, перетереть. Опять же, если захочет? Думать надо, как быть.

Думаю.

Кукла еще ходит, жопой своей вертит перед носом, а я уже на грани. Кинуться бы на девку, да опять гнать начнет.

Может, сейчас уехать? Какого хера торможу?

— Ну вот, я все сделала. Пойду схожу в душ, и можно кино какое-нибудь посмотреть. Ты как? Фильмы смотришь?

— А я, по-твоему, пещерный человек?

— Я не знаю. В смысле не знаю, смотришь ты или нет.

— Я понял. Смотрю я все. Иди, я пока фильм найду.

— Нормальный только. Боевик, может, какой?

— Как ты к фильмам для взрослых относишься?

— Не смешно, — брови в кучу, злится.

— Ха-ха-ха, а мне смешно. Ты че покраснела?

— Иди ты, знаешь куда?

— Куда? — Улыбается.

— Фильм выбирать.

Дашка в душе моется, а мне дверь хочется вынести. Так и представляю ее там голую под струей воды. И че все мысли об этой девке? Обычная она. Ну может, чуток с придурью, но обычная. Бесит только больше остальных.

Из душа вышла, в халате ходит туда-сюда. Халат короткий, а у меня думки сразу. Снова в ванну пошла, переделалась. Шорты напялила еще короче халата. Только об одном и думаю, а тело реагирует сразу. В штанах тесновато стало.

Шприц достала. Опять колоть будет, садистка несчастная.

— Попу оголяй, — стоит со шпичем в руке, на меня смотрит, серьезная. Интересная бы ролевуха получилась, но эта реально колоть станет. Или скальпелем по горлу.

— Точно надо? — Зачем спрашиваю? Знаю, что не отвалит.

— Да, еще три дня. Я тебе с собой дам. Кто-нибудь поставит.

— А если не ставить?

— Ну можешь не ставить. Там я уже не отвечаю за последствия. Заражение крови, все дела.

— Ну хватит пугать, пуганный.

Поворачиваюсь, шорты спускаю. Колит мастерски, почти не чувствую. Перевязку делает, а я только и думаю о ее груди около моего лица. Так бы и прикусил сквозь майку. Губы ее хочу, снова. Как вчера. Похер на секс, без него можно. Хочу зажать, почувствовать вкус девчонки этой дерзкой. Как вспомню ее напор вчера, как она меня рьяно в ответ целовала, встает сразу от мысли одной.

А она тоже хочет. По глазам вижу. Только строит из себя неприступную, а сама глазами своими то и дело стреляет.

Надо уезжать, прям сейчас. Антохе наберу, заберет. Не могу тут с ней в одной хате находиться. Места мало, она везде.

Фильм интересный, но мозги другим забиты. Нахрена лежим и в телик пялимся? Можно и интереснее занятие найти. Два часа вечностью кажутся. А эта пристально лупит в экран. Внимания не обращает, типа и нет меня в хате.

Цену набивает? Знаю я их цену. Рестик покруче, да цацка поярче.

Но с этой не так все. Вредная сильно. Зубки свои мне показывает. Волчица дикая. А эта дикость меня и притягивает. С куклой по-другому надо. Этой принца подавай, да подвиг серьезный, а не бабки дешевые.

— А сколько тебе лет? — Как че ляпнет, охереваю просто.

— С чего такой вопрос?

— Я ничего о тебе не знаю. Ну вот только фамилию и имя. Интересно, сколько тебе лет.

— Как и у тебя, юбилей скоро. В ноябре тридцатка стукнет.

— А когда день рождения?

— Двадцать второго.

— Понятно.

— Поздравишь?

— СМС отправлю.

— Не зли меня.

— Да я и не собиралась. Это ты с пол-оборота заводишься, сказать ничего нельзя.

— Завожусь не то слово.

— Ну, перестань. Давай без твоих пошлых шуточек.

— Я не шутил.

— Ага, рассказывай. Все, спать ложись давай.

— А ты?

— И я.

Дашка свет вырубил, на диван опять запрыгнула. Через меня перешагнула. Под одеяло залезла. Спина ко мне повернулась, полметра между нами. За живот ее взял и к себе придвинул поближе.

— Богдан, спи.

— Это не сон, это пытка. Попой своей не двигай.

— Ну мне так неудобно. Ты меня сильно зажал, я даже вдохнуть не могу.

Хватку ослабил. Снова задницей своей ерзает, удобно ложится. В волосы ее носом зарываюсь. Дышу ей в затылок, вдыхаю медленно, смакую каждый вдох. А рукой по животу глажу.

Волосы убирает, плечо оголилось. Губами к коже прижимаюсь. Целую по инерции, себя не контролирую почти. Девку эту хочу до безумия. Руку под футболку засунул, думал, сразу вмажет, а нет, молчит. Опять кажется, что не дышит. Замерла. Пупок нащупал, кружок на животике рисую. Стопарю. Не могу решить, вверх или вниз ринуться.

Мысли эти сраные в голове, вспомнил, как она отключилась тогда. Не настаиваю. Без напора в этот раз. Просто глажу. От плеча к шее двигаюсь. Целую, а самому укусить хочется, прям бы впился зубами в кожу ее, чтоб отпечаток остался. Рука сама вверх потянулась, по сантиметру приближаюсь.

Руку схватила, аж вздрогнул, повернулась, в глаза смотрит. Прям в душу глядит. Глазища свои карие на меня вылупила. Губы поджала, злится.

— Богдан, ты же обещал.

— Не трахать. Помню.

— Не надо. Правда. Потерпи до завтра, и все девушки города твои. Зачем я тебе? Не надо.

— В жопу всех девок! — К ней тянусь, отстраняется.

— Пожалуйста, Богдан.

— Ты не хочешь?

— Не хочу, — говорит губами, а тело мне сигналист обратное. Ротик свой приоткрыла, вдохи тяжелые. За руку держит, смертельной хваткой, не отпускает. Не сбежала в ванную — тоже хороший знак.

— Врать нехорошо.

— Я не вру.

В комнате хоть и темно, но знаю, что щеки у куклы порозовели уже. В гляделки играем, задолбало.

— А я хочу, — Не отвечает. Смотрит и молчит.

Была не была. Еще раз тянусь к губам, глаза закрывает. Сдается. Губ касаюсь, вкусные такие. Не медлю, впиваюсь, чтобы не думала ерунду всякую. Поддается, сразу мне отвечает. Рукой за голову держу, ближе придвигаюсь. Спину выгибает и ко мне прижимается. Ножку ее на себя закидываю, руку под шорты, и за попу. Не сопротивляется. Загорелась девка процессом. А я так и вовсе горю, уже давно. С губ на шею переключаюсь, наваливаюсь сверху.

Сука, плечо больно, не обращаю внимания. Мозги уже отключились напрочь. Рукой под майку ей лезу. Сжимается. Стесняется. Но меня уже не остановить, трясет от желания. Майку ей задираю, на сосок набрасываюсь. Горячий, твердый. Сиськи у Дашки ваще зачет, через одежду понятно было. А теперь и живую заценил. Грудь не бросаю, рукой держу и вниз спускаюсь, живот ее облизывать начинаю. Шорты стягиваю. Она опять напрягается. К губам возвращаюсь. Останавливаюсь. В глаза ей смотрю, в глазах паника неподдельная.

— Доверяешь мне? — шепчу на выдохе.

— Нет, — головой мотает из стороны в сторону.

— Я помню, что обещал.

— И не выполняешь.

— А что тогда не отбиваешься?

На вопрос не отвечает. На меня смотрит. Губехи поджала. Смешит меня. Целую опять. Снова и снова. Темп ускоряю. Она меня руками всего трогает, по телу водит. Разряды долбят раз за разом от пальцев ее.

Не то с ней что-то. С девками я обычно не церемонюсь. На коленки встали, потом спиной повернулись.

А этой насладиться хочется. Каждый сантиметр гладкой плоти облизать. Каждый вздох ее услышать. Чувствовать, как пальцы мне в кожу впиваются, ногтями покалывает.

Рукой от попы к животу веду и вниз, извивается.

Вот, где все ответы. Мокрая. У меня внутри аж что-то взорвалось от такого, не ожидал. Через ткань гладить начинаю, а она глазки свои закрыла и стонет. Нравится. Рот затыкаю своим языком, бешенство нападает. Терпение кончилось, и так столько продержался. Трусики с нее за секунду снимаю, сам раздеваюсь.

Руку ее беру и на член свой кладу. Не понимает, что делать, подсказываю. На мысли себя ловлю, что не одна баба с опытом мне так приятно не делала. Ногу ее повыше задираю, придвигаюсь. По ней проезжаю, так и тянет трахнуть. Но обещание сдержу, как бы трудно не было, сдержу. Внутрь направляю, отстраняется. Не пускаю, крепко держу.

— Не бойся. Больно не сделаю, — на ухо шепчу.

А она меня за плечи схватила, прижалась так сильно. Вхожу, немного. Девка и правда не тронута, потрахаться не получится, так, нервы пощекотать. Но ей и этого достаточно. Извивается вся, на губы мои кидается, скулит уже, а не стонет. Я ее разгоняю пальцами, хочу, чтобы кончила, может, добрее станет. Хотя эта не станет.

На одном месте топчусь, не продвигаюсь. Еще пара движений, и чувствую, как напряглась вся, трясется, в грудь мою зарывается, дышит часто.

Готова девка.

А я и сам еле держался, а от ее напряжения так и совсем сдался. Даже не понял, куда кончил, все залил. Как пацан какой-то.

ОНА:

Богдан меня футболкой своей вытирает, а я места себе найти не могу. Стесняюсь его. В комнате темно и не видно почти ничего, но как подумаю, что мы сейчас делали, краской заливаюсь. Убежать хочется, спрятаться. В дикий стыд окунаюсь, забываюсь. Потом опять к реальности возвращаюсь.

— Иди сюда, — ложится рядом и меня к себе притягивает. Его тело — кипятильник. Обжигающе приятно. Кожи его касаюсь — снова внизу все ныть начинает. А может, и не прекращало вовсе? Он так сильно меня сжимает, поглаживает, отпускать не планирует. — Что молчишь?

— А что мне сказать? — откашливаюсь, горло пересохло.

— Не понравилось?

— Понравилось. — правду говорю. Тихо. Глаза опускаю от стыда, а он их и не видит. Губы облизываю. Сухой коркой взялись от жажды. Взгляд его сейчас представляю и чувствую, как щеки гореть начинают.

— Я рад. Со мной поедешь?

— Куда?

— Домой ко мне.

— У меня свой дом есть.

— Так у меня дом получше.

— Не поеду.

— Ну как хочешь. — Сильней сжимает. А мне вырваться хочется.

— Богдан, то, что сейчас было, я даже не знаю, как сказать... — Отстраняюсь.

— Говори, как есть.

— Я не знаю, почему я с тобой... ну вот это все. У тебя жизнь непростая, а мне моя нравится. — Голос дрожит. Столько сказать ему хочется, но мысли путаются, не соображаю.

— Я так-то тебя замуж не зову, — говорит обидно, как всегда.

— Это я поняла.

— И я тебя понял, — сказал мужчина и встал с дивана.

— Я тебя обидела? — Он повернулся ко мне.

— Нет, просто ты другая. И, наверное, единственная баба на свете, которую я уважаю. Ща в душ схожу и поеду, загостился я.

Слышался звук текущей воды. А я так и сидела в постели, укутанная одеялом.

И как я позволила этому случиться? Не знаю. Он на меня действует по-особенному. Манит. Будто власть надо мной имеет, подчиняет. А я и согласна на все. Любое желание выполнить готова, забить на гордость, на чувство собственного достоинства. Да и сейчас эти фразы уже не воспринимаю, как раньше. Запуталась. От эмоций голова кругом. Собрать себя не могу по частицам, на которые десять минут назад разлетелась по этой комнате.

Когда мы в постели, мы другие совсем. И он, и я. Он касается, а я думать перестаю, подчиняюсь его рукам. Тело его трогаю, и реальность пропадает. Только желание остается, непонятное мне. То, которое контролировать не могу. И не хочу. Но ведь здравый смысл в итоге включается. Реальность настигает, и она совсем не радостная. Пять минут удовольствия превращаются в долгие муки размышлений.

Богдан вышел из душа и стал довольно небрежно запихивать вещи в сумку. По лицу не понимаю, злится или расстроен.

— Ты правда сейчас уедешь? Ночь же.

— Да. Антоха сейчас подъедет. Так что пошел я.

С дивана встала, одеялом обмотана. Ближе подошла, смотрю на него, а он на меня.

Чувствую прилив нескончаемой грусти. И что это я? Я же этого хотела. Не прямо сейчас, но хотела. Чтобы из жизни моей он исчез так же быстро, как появился. А теперь что? Мне грустно, даже печально. В груди заныло от тоски, боли какой-то. В глаза ему смотрю, кажется, что то же самое чувствует. Может, и правда кажется? Может, я головой тронулась?

Богдан притянул к себе.

— На прощание поцелуешь?

Встала на носочки и коснулась его губ. Легонько, нежно, еле касаясь, а внутри новый взрыв. Не хочу отпускать. Или хочу? Отстраняюсь. А вот и здравый смысл подоспел. Голоса в голове говорят со мной: «Сама. По собственной воле целуешь бандита. А двадцать минут назад вообще с ним сексом занималась. Сбрендил Дашка».

— Пока. Не умирай, пожалуйста.

— Обещаю. Звони, если проблемы будут. Я в долгу у тебя, кукла.

Захлопнула входную дверь. Оглядела свою квартиру. Ну вот и все. Возвращаюсь в привычную жизнь. Больше никакой стрельбы, ранений и необдуманных поступков.

ОН:

— Домой едем?

— Домой, Антох, домой. — тяжело вздыхаю.

— Че сорвался-то среди ночи?

— Не твое дело.

— Понял.

— Че там с Крайним?

— Хер разберешь. Притих падла, не к добру. Пацанов у него немного, но и у нас тоже. Я еще десяток ребят взял. Молодые, тебя уважают.

— Это хорошо. Очень хорошо. По-тихому надо с ним порешать. Шумиха мне ни к чему. Сейчас не время светиться. Зверь придет скоро, в конце месяца. Встретиться хочу. Он в свое время весь город держал, пока в политику не ринулся. Поддержка его была бы кстати.

— Да он воротничком стал. Только в телеке и мелькает. Не думаю, что он делами еще ворочает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.